

„МЕРТВЫЕ, КАК ДРОНТ“

Игорь АКИМУШКИН

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ сейчас время, когда люди начинают понимать, что нельзя так безрассудно, как прежде, расточать природные ресурсы: Все большее число энтузиастов вступает в ряды бойцов, решивших выиграть великую битву, — оградить от уничтожения богатства и красоты природы.

В эпоху колониализма, когда в прериях Америки, в степях Австралии и Африки появился европецы со своим смертоносным оружием, над девственной природой пронесся ураган опустошения. Началось массовое, часто бесмысленное истребление диких животных. Одни за другим стали исчезать с лица земли не стада и не стаи, а целые виды вполне жизнеспособных и полезных зверей и птиц. Люди, не знакомые с зоологией, даже приблизительно не представляют себе величины понесенного природой урона.

Подсчитано, что за последние две тысячи лет исчезло 106 видов крупных млекопитающих и 139 видов птиц. Первые 1800 лет процесс губительного наступления человека на природу шел медленно. Почти за два тысячелетия вымерло только 33 вида. Затем истребление фауны пошло с нарастающим темпом: за последующие сто лет было уничтожено человеком еще 33 вида. В

одном только прошлом столетии вымерло 70 видов животных, а за последние 50 лет — 40 видов.

Но и это не все — еще 600 видов животных находятся сейчас на грани вымирания, им угрожает неизбежная гибель в ближайшие десятилетия.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ГАЙЕРФУГЛОВ

Все знают, что пингвины водятся в Антарктиде, но мало кому известно, что это не настоящие пингвины. Настоящие водились в Арктике.

Арктические пингвины — это исполинские бескрылые гагарки. Английские моряки называли бескрылых гагарок «пин-унгами» (от Pin wing — «крыло-шипилька») — намек на недоразвитые крылья этих птиц. «Пин-унг» превратилось затем в пингвина, а потом и это имя отобрали у исполнинских гагарок и перенесли его на хорошо известных антарктических птиц.

Правда, известный французский натуралист Бюффон протестовал против такой узурпации. Он читал отчеты капитана Кука и Форстера о плавании в южные моря, в которых описывались антарктические пингвины, и понял, что те с бескрылыми гагарками ничего не имеют общего. Это совсем разные птицы. Бюффон предложил называть южных пингвинов маншотами, а северных, то есть гагарок, пингвинами.

Но еще раньше, задолго до Бюффона, и до того, как английские моряки появились на сцене со своим трудно произносимым «пин-унгом», бескрылые гагарки известны были северным народам Европы под именем «гайерфуглов». Это имя долго сохранялось за ними в Исландии. Оно же упоминается и в норманских эддах и сагах и по древнескандинавски означает «копьептица».

У бескрылых гагарок были довольно крупные и неплохо «отточенные» клювы и они ими больно клевались.

Издали по внешности и по повадкам бескрылые гагарки действительно напоминали пингвинов. Они так же неуклюже, но несгибаемо прямо передвигались по суше на коротких лапах. Крылья у них были недоразвиты, как у пингвинов. Но у пингвинов те превратились в ласты, которыми отлично можно гребти в воде, а у гагарок же были просто бесполезными придатками. Как и пингвины, бескрылые гагарки не умели, конечно, летать. Ростом были с гусем (75 сантиметров — от клюва до лап) и под кожей носили много первого сорта жира. Это их и погубило.

На заре истории европейских наций бескрылые гагарки обитали почти всюду у моря и в море, по обеим сторонам северной половины Атлантического океана. На западной стороне — от Гренландии до Ньюфаундленда и Атлантического побережья Северной Америки вплоть до Флориды. По восточной — от Исландии, Шотландии, Ирландии, Скандинавии — до прибрежных районов Франции и южной Испании.

Так широко по разным странам и морям гагарки разбредались, вернее расплявались, зимой и в негнездовое время. А весной и летом, с мая по июль, собирались они в огромном количестве на немногих скалистых островках туманного севера, у берегов Исландии, например. Возможно, исполинские гагарки гнездились также и на Оркнейских, Гебридских, Фарерских островах и, конечно, на знаменитом «Острове пингвинов» около Ньюфаундленда.

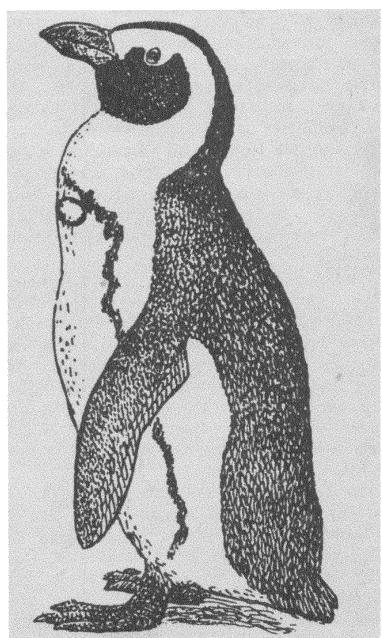
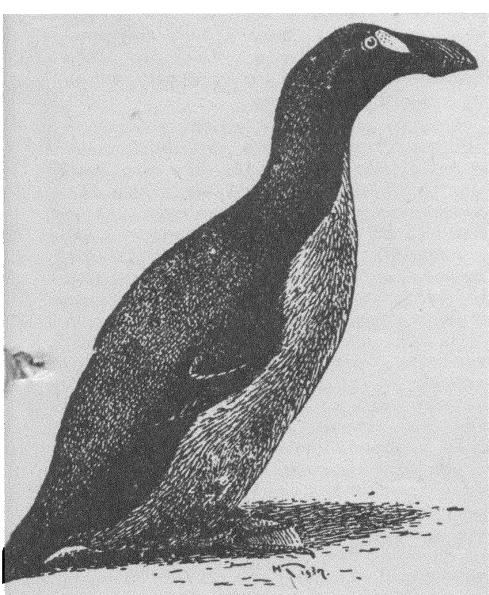
Когда суда мореплавателей приближались к берегам, густо населенным «пингвинами», те с любопытством и без боязни встречали моряков. Большинством группами, с достоинством подняв головы, птицы спокойно поджидали людей, словно уважаемые члены почтенной делегации, приветствующей дорогих гостей.

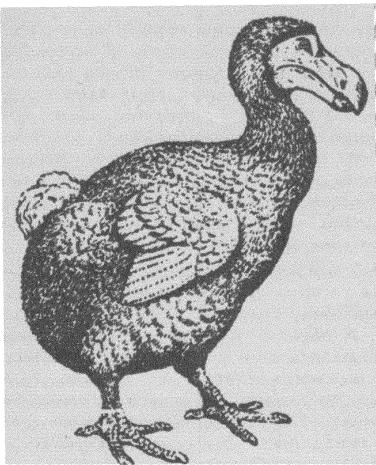
Но люди не были столь почтены: вооружившись палками, набрасывались они на бедных птиц и избивали их без всякого стеснения. Благо бежать тем было некуда: сразу от моря высоко вздымались скалы, на которые гагарки забраться не могли. А летать они ведь не умели. Обманутые в своем трогательном доверии к человеку, птицы метались по берегу, беспомощно размахивая нелепыми кулышками.

Это была, пожалуй, самая добычливая «охота» на дичь, которую знает история. Жак Картье, «веселый корсар» и

Африканский пингвин.

Рисунок В. ВАТАГИНА

Дронт.

Рисунок В. ВАТАГИНА

исследователь Лабрадора, рассказывал, что за один день и не сходя почти с места его матросы убили больше тысячи «северных пингвинов»!

А другой капитан похвастался, что за полчаса его парни нагрузили до краев два бота жирными пингвинами, которых наловили голыми руками.

В Европе бескрылых гагарок было не меньше, чем на Лабрадоре. Здесь прославился свой «Остров пингвинов», или Гайерфуглаксер, как его еще называли — главное место охоты исландских промышленников. Забавно, что церковь даже и гагарок не оставила без своего пасторского внимания: большую часть доходов охотники за «пингвинами» должны были выплачивать в ее казну. Церковь в Киркьеорге требовала половиной доли от добычи, а в Утскала — половины с другой половины. Таким образом, самим охотникам оставалась лишь четвертая часть вырученных за «пингвинов» денег. И все-таки это было не мало, потому что избиение гагарок продолжалось в больших количествах.

В наполеоновские войны за мясом для солдат в Исландию, на «Остров пингвинов», приплывали даже большие корабли из Европы. Нарождавшийся капитализм острый нюхом молодого зверя быстро распознал запах легкой наживы. Несколько организованные жиропромышленные компании посыпали к берегам арктических островов большие корабли с охотниками за птичьим жиром и пером. Беззащитных птиц били дубинами, ловили сетями. Набивали полные трюмы.

Последние страницы трагедии дописали своим энергичным вмешательством коллекционеры. Исполинская гагарка стала редкостью. За ее яйца и шкурки музеи и любители платили большие деньги. За каждую шкурку бескрылой гагарки выплачивали уже по сотне крон — куда больше, чем стоили ранее жир и перья всех сваленных в шлюпке птиц!

Но заработать эти сто крон стало нелегко. Всюду, где когда-то их без счета колотили дубинами, от гагарок осталась теперь лишь воспоминания. Еще в 1790 году в бухте города Кilia убили последнего в Балтийском море «пингвина». На Оркнейских островах двух по-

следних бескрылых гагарок поймали в 1812 году. А в Британии, в Ирландии — в 1834 году.

С той поры заработать «сто крон» можно было только в Исландии. Только там уцелели еще, по-видимому, «пингвины». Туда-то, к маленькому островку у южного побережья Исландии — к Элди-Року, капитан Хакорнассон и направил темной ночью второго июня 1844 года свой корабль. Отплывалиспешно и втайне. Никто на берегу не знал, куда они плывут. Впрочем, один человек знал: Карл Сиенсен, капиталист и маклер. Он и снарядил эту недобрую экспедицию (которая век спустя еще так больно ранит чистую совесть Исландии).

А чуть раньше две уставшие птицы тяжело поднялись на скалистый берег Элди-Рока. Они плывли долго по морю. Плыли тысячи миль из теплых широт Атлантического океана. Плыли на север, на родину, чтобы отложить на маленьком островке одно единственное яйцо — так было в обычай у бескрылых гагарок. Птицы не знали, да и никто тогда в мире не знал, что они остались единственной на земле парой, способной еще продолжить угасающий род северных пингвинов.

Они нашли на берегу подходящее место и отложили это яйцо. Согревали его, единственное и последнее, хранящее под толстой скорлупой едва тлеющую искорку обреченной жизни.

А третьего июня на рассвете лодка с тремя гребцами пристала к берегу на Элди-Рок. Люди вышли, озираясь по сторонам.

— Я не вижу пингвинов, Джон, — сказал один.

— Говорил я вам: их тут нет. Все сгорели на Гайерфуглаксере. Сам видел, как он провалился в преисподнюю.*

И они обошли скалу, за ней открылась широкая отмель. И тут Сигурдр Ислеффсон закричал:

— Провалились мне, как Гайерфугла склеру, вон пингвин!

— Не пускайте их в море, ребята! — заорал бородатый Джон Брандсон, и все трое бросились, отталкивая друг друга, за двумя странными птицами, которые в последний раз заковыляли по немилосердной планете, спасаясь от орующих людей.

Джон Брандсон схватил одну птицу у отвесной скалы, на которую она в отчаянных, но безуспешных попытках хотела взобраться. Сигурдр Ислеффсон поймал другую на самом краю каменного карниза, нависшего над ущельем. А Кетилу Кентилссону, третьему члену этой компании, уже некого было ловить. Он вернулся туда, где первый раз увидели они «пингвинов»: ведь пингвина яйцо тоже можно продать! Он нашел это яйцо. Но, увы, все надежды Кентилсона рухнули, как только он взглянул на него: яйцо было раздавлено!

Так погибли две последние на планете бескрылые гагарки, два низвергнутых в небытие законных обладателя имени пингвинов. С той поры нигде больше в северных морях и на островах Старого Света живых «пингвинов» не видели. А

* Остров Гайерфуглаксер, действительно после вулканического извержения исчез в 1830 году под водой вместе со множеством населявших его птиц

в Америке они вымерли еще раньше: где-то между 1750 и 1800 годами. До девятнадцатого века не дожила, по-видимому, ни одна американская исполинская гагарка.

Истребление бескрылых гагарок увенчалось фантастическим триумфом: их бренные останки ценятся теперь дороже золота. За яичную скорлупу «пингвинга» коллекционеры платят по шестьсот, а за шкурку — по двадцать тысяч фунтов стерлингов! Как за двенадцать первоклассных автомобилей!

В конце прошлого века подсчитали, что в музеях мира и в частных коллекциях любителей хранится лишь 79 (или 81 по другим, менее надежным сведениям) шкурок гайерфуглов, две дюжины их полных скелетов, две заспиртованные туши и 75 яиц.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРОНТОВ

В 1507 году португалец Петро Маскаренас открыл в Индийском океане острова, которые позднее были названы его именем. Они представляли удобную перевалочную станцию на пути в Индию, и вскоре толпы авантюристов, как прожорливая саранча, наводнили их. Команды судов пополняли здесь запасы продовольствия, избивая все живое в лесах архипелага. Голодные матросы съели всех огромных черепах, а затем принялись за дронтов.

С хохотом ловили они неуклюжих и беззащитных птиц. Португальцы называли их «додо», а голландцы, которые пришли позднее, дронтами. Много потешались тогда над нелепым видом фантастических птиц, жирных и неуклюжих, как откормленные каплуны. Дронты, тяжело переваливаясь с боку на бок и беспомощно размахивая жалкими «обрубками» крыльев, безуспешно пытались спастись от людей бегством.

Голландские поселенцы завезли на Маскаренские острова домашних свиней, кошек. Они принялись с неменьшим усердием, чем люди, уничтожать яйца и птенцов дронтов. И все вместе, и люди и животные, к концу XVIII века истребили всех дронтов. Несколько жалких скелетов в музеях, изображения на картинах голландских живописцев, да поговорка «мертвый, как дронт» — вот все, что осталось теперь от удивительных птиц.

Зоологи немного успели узнать о дронтах. Эти огромные, ростом больше индюка (весили они 18—20 килограммов!), жирные и неуклюжие птицы были, оказывается, выродившимися голубями (а по более новым данным — пастушками!). «Лысую» голову дрonta украшал массивный крючковатый клюв, а на месте хвоста и крыльев торчали небольшие пучки перьев.

На трех островах Маскаренского архипелага — Маврикий, Реюньон и Родригес — обитало, по-видимому, три разных вида дронтов. Дронт с Маврикия, или темный додо, оставил после себя наиболее ценное для зоологов наследство: несколько костей, лапу и клюв, не считая около дюжины рисунков и картин, на которых более или менее мастерски запечатлены его портреты. В 1599 году адмирал Ван Нек привез первого живого дрonta в Европу. На родине адмира-

ла, в Голландии, странная птица произвела шумный переполох. На нее не могли надивиться. Художников особенно привлекала ее гротеская, прямо фантастическая внешность. И Питер Холстейн, и Хуфнагель, и Франц Франкен и другие известные живописцы увлекались «дронтописью». В то время, говорят, нарисовано было более четырехнадцати портретов с пленного дрона.

Другой живой додо попал в Европу полвека спустя, в 1638 году. С этой птицей, вернее с ее чучелом, случилась забавная история. Дрона привезли в Лондон и там за деньги показывали всем, желающим посмотреть на него. А когда птица умерла, с нее сняли шкуру и набили ее соломой. Из частной коллекции чучело попало в один из оксфордских музеев. Целый век прозябало оно там в пыльном углу. И вот зимой 1755 года хранитель музея решил произвести генеральную инвентаризацию экспонатов. Долго с недоумением он рассматривал полуусыпленное молью чучело сюрреалистической птицы с не-

лепой надписью на этикетке — «Агк» (ковчег?). А потом приказал выкинуть его в мусорную кучу.

К счастью, мимо той кучи случайно проходил более образованный, чем куратор музея, человек. Дивясь неожиданной удаче, он вытащил из помойки крючконосую голову дрона и неуклюжую лапу — все, что от него осталось — и со своими бесценными находками поспешил к торговцу редкостями. Спасенные лапа и голова позднее снова, но на этот раз уже с великими почестями, были приняты в музей.

Последнего дрона видели на острове Маврикия в 1681 году. А через сто лет жители острова уже забыли, что когда-то в лесах их родины водились пудовые «каплуны». Когда в конце XVIII века натуралисты устремились по следам дронтов и поиски привели их на остров Маврикия, все, к кому они тут обращались за советами, лишь с сомнением качали головами. «Нет, господин, таких птиц у нас нет и никогда не

было», — говорили и пастухи, и местные охотники, и крестьяне.

Соседний с Мавриkiem остров Реюньон прославили «белые» дронты. Они более чем на полвека пережили своих темных собратьев: последнего «белого» дрона убили, по-видимому, в 1750 году.

Отшельником прозвали другого, третьего дрonta — совсем особого вида и даже рода, как полагают некоторые исследователи. Этот «отшельник» коротал свои дни на небольшом островке Родригес. Крылья (вернее то, что от них осталось) были у него более длинные, чем у других дронтов, и на их концах болтались какие-то странные круглые костяшки — по одной на каждом крыле — размером с мушкетную пулю. Этими пулями, словно кастетами, дронты в драке наносили друг другу удары.

Последний дронт был убит на острове Родригес в самом конце XVIII века. До просвещенного девятнадцатого столетия не дожила ни одна из этих «неправдоподобных» птиц.

Д. ДАНИЛОВ

ЛИТЕРАТУРА ПО ОХОТНИЧЬЕМУ ХОЗЯЙСТВУ, ВЫШЕДШАЯ В 1964 ГОДУ

ОБЗОР включает только книги, вышедшие на русском языке. Литература по охотничьему собаководству и оружейной технике не учтена; эти вопросы требуют составления отдельных библиографий. Список аннотированных книг по охотничьему хозяйству составлен довольно полно, но не исчерпывающе.

АКАЕВСКИЙ Б. А. *Разводите ондатру*. Курган, 1964. 42 стр. с илл.

Брошюра составлена как практическое руководство для охотников и охотников. В ней рассматриваются порядок закрепления угодий, способы учета численности ондатры, сроки и способы промысла, первичная обработка и качество шкурок, биотехнические мероприятия.

«АСКАНИЯ НОВА», ЗАПОВЕДНИК. (Фотоальбом). Киев, изд. «Урожай», 1964. 80 стр. с илл.

«БИОЛОГИЯ И ПРОМЫСЛ ЛОСЯ». Сборник статей, под ред. А. Г. Банникова, М., Россельхозиздат, 1964, 216 стр. с илл.

БУЛЛО Е. П. и КУЧНИСТОВ А. П. Экономика, организация и планирование охотничьих промысловых хозяйств. Учебник для заготовительных отделений кооп. техникумов. М., изд. «Экономика», 1964. 104 стр. с илл.

В книге рассматриваются следующие вопросы: охотоэкономическое обследование и охотоустройство промысловых хозяйств, комплектование кадров охотников и организация их труда, подготовка и проведение промысла, средства транспорта, воспроизводство промысловой фауны, организация заготовок продукции промысла, планирование и анализ деятельности охотничьего хозяйства.

ВОПРОСЫ ЛЕСНОГО ОХОТОВЕДЕНИЯ. Сборник статей. Ответ. редактор Д. Н. Данилов. Пушкино, 1964, 52 стр. (Всесоюзный научно-исследовательский институт лесоводства и механизации лесного хозяйства).

Содержит 8 статей по типологии и бонитировке угодий, методике зимнего учета зайца-беляка, повышению продуктивности угодий и другим вопросам.

В СЕМЬЕ ОХОТНИКОВ. Сборник статей об опыте работы охотничьих коллективов. М., Воениздат, 1964, 166 стр. с илл. (Центр. Совет Всеармейского военно-охотничьего общества).

ВШИВКОВ Ф. Н. *Звери (дикие млекопитающие)*, Симферополь, изд. «Крым», 1964. 88 стр. с илл.

В книге приведены краткие сведения по биологии и хозяйственному значению млекопитающих Крыма.

ГЛУМОВ Н. П. *Золотая пора*. Воспоминания об охоте в Прикамье. Пермь, 1964, 175 стр. с илл.

В книге в повествовательной форме описывается охота на боровую, болотную и водоплавающую дичь в Пермской области.

ДОЛБИК М. С. *Боровая дичь*. (Научно-попул. очерк). Минск, изд. «Урожай», 1964, 64 стр. с илл.

В очерке описывается образ жизни белой куропатки, глухаря, тетерева, рябчика, вальдшнепа и вяхиря в условиях Белорусской республики.

ДОЛБИК М. С., ТАРЛЕЦКАЯ Р. Ю. *Перелеты птиц*. Минск, Изд. «Наука и техника», 1964, 35 стр. с илл.

В брошюре рассказывается об истории изучения перелетов, кольцевания птиц и других приемах их исследования, местах зимовок, поведении птиц на перелетах, способности к ориентации, причинах гибели птиц.

ДУЛЬКЕЙТ Г. Д. *Охотничья фауна — вопросы и методы оценки производительности охотничьих угодий Алтайско-Саянской горной тайги*. Красноярск, 1964, 352 стр. с илл. и карт.

ЗАПОВЕДНИКИ СССР. Москва, 1964, 74 стр. с илл. и карт. (Бюро технической информации Главного управ-